

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Подарок для начальника цеха

Пантелеймон Петрович, пожилой, но ещё крепкий мужчина, облокотившись на кухонный стол, встал с табуретки и, слегка покачиваясь, вышел в коридор. Прошёл вдоль обшарпанных стен, мимо висящего на стене старого ржавого велосипеда, и открыл входную дверь квартиры.

На лестничной площадке его уже ждали. Возле самых лифтов, смоля папиросу, стоял немолодой, но ещё и не старый мужчина, с импозантной чёрной бородкой и с закрученными вверх усами.

— Ну, Петрович, готово? — лениво поинтересовался человек, сплёвывая на грязный пол.

— Готово, Николай Владимирович, как и договаривались — ответил Пантелеймон Петрович, чуть склонив голову.

— Ну пошли — усатый отбросил в сторону огрызок папиросы...

— Ну и срач тут у тебя — протянул гость, оглядывая бедное убранство кухни.

Замызганные желтоватые обои, на грязном, загаженном мухами, потолке следы давнишних затоплений... Покосившийся холодильник, древний шкаф, треснувшее стекло в окне. Стол, заставленный объедками от недавней трапезы, две пустые бутылки водки и... девушка.

Девушка.

Худенькая, короткостриженная брюнетка, сидела на табуретке, уронив голову и руки на стол. Худая, высокая, какая-то вся угловатая, девица, по всей видимости, крепко спала. В воздухе стоял крепкий алкогольный дух.

— Ну — Николай Владимирович покрутил ус, — Бери её и понесли.

Держа за руки и за ноги бесчувственное тело, мужчины скрылись за дверью кухни...

* * *

Двумя часами ранее.

— С днём рожденья меня, с днём рожденья тебя, с днём рожденья, с днём рожденья, с днём рожденья... меня! — весело пропела Женя, выставляя на кухонный стол блюдо с салатом.

Восемнадцать лет исполняется только раз, Это знает каждый из нас, Пойте и смейтесь, пляшите и веселитесь, Восемнадцать лет исполняется только раз...

Весело засмеявшись, девушка убежала в свою комнату, достала из ящика письменного стола потрёпанную тетрадку, присела за стол, чуть погрызла шариковую ручку и записала в свой дневник только что сочинённые стихи.

Многие молоденькие восемнадцатилетние девушки ведут дневники.

Женя закрыла тетрадку и, весело напевая, взъерошив короткие чёрные волосы, умчалась на кухню.

Пока её нет, давайте почитаем, что там?

«Прошло пять лет, как не стало мамы. Папа уже почти не пьёт...»

«В нашем городе почти нет работы, есть только сталелитейный завод, который того и гляди закроется. Я скоро заканчиваю школу, надо думать, что делать дальше...»

«Вчера я поступила в швейный техникум! Через неделю мне исполняется восемнадцать! Жизнь прекрасна...!»

«Сегодня познакомилась с парнем. Он из железнодорожного колледжа. Кажется, я ему понравилась. И он мне. Очень... «...»

В замке входной двери скрипнул ключ.

— Доча, я дома! — Пантелеймон Петрович, держа в обеих руках авоськи с нехитрыми продуктами, переступил порог квартиры.

— Пап, привет! — Женька кинулась на шею отцу.

Худая, высокая, почти на голову выше родителя, она буквально сгребла мужчину в охапку.

— Ещё раз, дочь, с днём рождения — мужчина, стиснутый девичьими руками, поставил авоськи на пол.

— Пап! Спасибо тебе! — Женя чмокнула отца в щёку.

Пантелеймон Петрович почему-то смутился и отвёл глаза...

— Евгения, я конечно не настаиваю, но выпей водочки — мужчина разлил пахучую жидкость в две рюмки, — На вино не хватило денег... Восемнадцать лет — как бы можно...

— Пап, Миша... ну я тебе рассказывала... — пятнадцать минут спустя пьяно бормотала девушка, — На свидание меня пригласил...

— Да, да, я помню... — рассеяно ответил отец, открывая вторую бутылку...

Руки девушки упали на стол, на них же опустилась и её голова. Петрович чуть подождал, нервно выкурил папиросу, облокотившись на стол, встал с табуретки и, слегка покачиваясь, вышел в коридор...

* * *

Днём того-же дня.

— Здорово, мужики — Пантелеймон Петрович, снимая с головы каску, зашёл в заводскую курилку.

— Здоров — буркнул дед Фёдор, заслуженный сталелитейщик, раскуривая папиросу.

— Чего смурные такие? Аль умер кто? — Петрович снял перчатки.

— Петрович, уволить тебя хотят, приказ с верха идёт — вылез кто-то из группы работяг.

— Сокращение — пояснил заслуженный, жуя губами мундштук.

— Как-же так... — Пантелеймон Петрович опустил на лавку, — У меня-ж дочь, поднимать надо...

— Ты вона что, подожди — дед Фёдор сел рядом, — ... Николай Владимирович идёт, гляди! Поговори с ним, как-никак начальник цеха...

— ... да как ты можешь! Что-ж ты такое говоришь то!? — лицо Пантелеймона Петровича покрылось красными пятнами, — Да я тебя сейчас... !

— Ну как знаешь — Николай Владимирович пнул ногой камешек, покручивая ус, — Сделаешь как я хочу — приказ может и «потеряться». Зайдёшь ко мне после обеда, скажешь, что надумал...

* * *

Ранним утром того-же дня.

Когда рано утром Пантелеймон Петрович, побритый и свежий, вошёл на кухню, Женя только что доела последний бутерброд со спитым чаем. В руках отец держал небольшую красную коробочку.

— Евгеша, поздравляю тебя с днём рождения, желаю тебе всего самого наилучшего! — чуть смущаясь, проговорил он.

— Ой, пап, так рано ведь ещё — Женя встала со стула, трогательно прижав руки к крохотной, не по-девичьи плоской груди.

— Никак нет! Пять минут как уже родилась! — мужчина подошёл ближе и вручил девушке коробочку, — Это тебе.

— Ой, пап, спасибо... — пролепетала дочь, уже догадываясь, что находится внутри. Открыла — внутри, на атласном бархате лежали две золотые серёжки с цветными камушками. У девушки на глазах выступили слёзы. Это были первые ювелирные украшения, которые она получила в своей жизни.

— Пап, это же так дорого...

— Ерунда! Восемнадцать лет — это дата! К тому же, у меня есть работа — мужчина сделал рукой утверждающий жест, — Прорвёмся!

Евгения порывисто обняла отца.

— Ну, я пошёл на работу. Я уже позавтракал. Вечером посидим немного, я куплю чего-нибудь, а ты накрой стол — Пантелеймон Петрович чмокнул дочку в щёку...

Когда за отцом закрылась входная дверь, Женя направилась в ванную, зачем-то взяв с собой и серёжки. Закрыв дверь на задвижку, дрожащими пальчиками вытащила диковинки из коробочки, поднесла к ушам. Чуть покрутилась перед зеркалом, порадовавшись своему отражению. Всё будет хорошо!

Вдоволь налюбовавшись собой, убрала серёжки в коробочку и ещё раз критически оглядела себя.

Довольно высокая для девушки. Очень уж худая, даже костлявая, неказистая что-ли. Женя дотронулась до своей груди, прикрытой тёмной футболкой. Груды крошечные, до первого номера не дотягивают, даже приподнимающий грудь бюстгальтер не способен исправить ситуацию.

Бёдра под голубыми потрёпанными джинсами совсем не похожи на женские бёдра. Ноги длинные, но очень уж худые, да и руки такие-же.

Желая отвлечься от грустных мыслей, девушка решила принять душ, скоро на занятия. Решительно сняла футболку, лифчик. Грудки смешно вытянулись сосочками, в обрамлении маленьких тёмных ореолчиков. Евгения взяла груди в ладони, чуть сжала, помассировала. Грустно.

Пальцем осторожно провела по соску и по ободку. Сосочек откликнулся, затвердел. Сразу вспомнился Миша из железнодорожного колледжа. Такой внимательный, нежный, обходительный. Как сложатся их отношения в дальнейшем? Дотронется ли он когда-нибудь губами до её бутончиков?

Женя расстегнула пуговицу джинс, взвизгнула молния. Ладонь проникла под ткань трусиков, в самое сокровенное местечко. Пройдя сквозь волнующую поросль молодых девичьих лобковых волосков, указательный палец коснулся сокровенной точки.

Женя нередко и впредь трогала себя там, представляя вместо своих пальцев губы любимого человека, которого у неё ещё не было. Но сейчас уже был Михаил. Как-же ей хотелось, чтобы этот воспитанный, интересный, привлекательный молодой человек языком и губами исследовал каждую точку её девичьего естества, а потом любил её нежно и страстно, забрав себе то самое дорогое, что у неё есть... Подавив стон, девушка вытащила из трусиков влажные пальцы, поднесла их к носу...

Высвободилась из джинсов, стянула носочки. Ещё раз взглянула на себя в зеркало. Худые бледные ноги. В этом городе редко светит солнце.

Решительно стянула беленькие трусики, взглянула вниз. Живот худой, даже поджарый. Смешной кустик чёрных густых лобковых волос гордо возвышается над белой девичьей кожей. Женя оставляла волос совсем немного, большую часть сбривала.

Поставив одну ногу на край ванны, девушка покрыла ладонью свою промежность, средним пальцем дотронувшись до ложбинки между помокревшими половыми губами. Чёрный кустик приятно щекотал ладонь. Не в силах сдерживаться, Евгения исторгла из губ сладостный стон, прикусила губу. Дотронулась до бугорка клитора, закрыла глаза...

Минуту спустя, Женя пальцем второй руки, отведя её вниз под ягодицу, в том-же положении, держа левую ногу на крае ванны, исследовала свою заднюю дырочку, водя по тёмной точке указательным пальчиком.

Осторожно гладила складки кожи вокруг ануса, переводя палец, чуть касалась входа во влагалище, но совсем чуть-чуть, слегка. Закрыв глаза, она представляла себе, как Миша, в её мечтаниях — её избранник и муж, в первую брачную ночь берёт её всю, без остатка, у них нет никаких табу и запретных тем.

Пальчик по ноготь проник в попу — девушка вынула его, по половым губам сбежала и капнула на пол крошечная капелька её влаги. Как будто опомнившись, Женя открыла глаза, чуть постояла и осторожно, держась за стенки, забралась в ванную...

Спустя пять минут, надев свежие белые трусики и такого-же цвета лифчик, Женя облачилась в те-же джинсы и футболку, подхватила сумку с книгами и, радостно напевая, отправилась в техникум... Сегодня Миша обещал встретить её после занятий...

* * *

Вечером того-же дня.

Мужчины внесли девушку в небольшую тёмную комнатку и положили её на спину на покосившийся диван. Со стены, на всё это действие, молчаливо взирал зарубежный модный певец, радостно улыбаясь.

— Ну, Петрович, давай, иди, всё как договаривались — усатый похлопал по плечу Пантелеймона Петровича.

— Николай Владимирович, только как вы и обещали — Петрович с мольбой взглянул на усатого.

— Папаша, да у меня у самого дочь есть, примерно такого-же возраста. Я же только одним глазочком взгляну и всё, я же говорил, я этот, как его... — весело проговорил Николай Владимирович.

— Нуайерист — подсказал Пантелеймон Петрович.

— Вот-вот, он самый — мягко, но настойчиво, усатый выпроводил Петровича из комнаты и включил настольную лампу.

Огляделся. Типичная комнатка девушки из бедной семьи. А кто тут нынче не бедный? Даже он, Николай Владимирович Смирнов, начальник цеха умирающего завода, даже он бедный. ты за жизнь то такая... Блядская — Пантелеймон Петрович вылил в рюмку остатки водки, залпом выпил.

Подошёл к окну, прижался лбом к треснувшему стеклу.

* * *

Поспешно высвободившись из брюк и трусов, мужик, всё также поддерживая свой торчащий член рукой, взобрался на диван, поверх девушки.

— Сейчас, сейчас... Скоро — как в бреду, шептал он, пристраивая свой пенис между ног Жени. От волнения, мужчина совсем забыл, что таким манером дело не пойдёт, вспомнил — поплевал на ладонь, обмазал свой подрагивающий член, попробовал ещё раз. Головка члена с трудом протиснулась сквозь девичьи створки, у Смирнова перехватило дыхание.

Вот сейчас, сейчас он сделает то, чего ещё никогда не делал! Капля пота скатилась с носа Смирнова и упала на Женину правую грудь. Мужчина занервничал, и, либо пришло время, либо он сделал девушке больно, но Евгения, вдруг, открыла глаза и уставилась непонимающим взглядом прямо перед собой.

В панике, мужчина зажал ладонью девушке рот, его член, не успев полностью войти, выскочил из её лона и, растеряв былую силу, упал на её лобок.

Промычав что-то неясное, Женя задёрнула головой из стороны в сторону, пытаясь высвободить рот. Продолжая мычать, ухватилась руками за руку мужчины, зажимающей её рот, засучила ногами.

— Лежи смиренно, тварь! — не отпуская руку, со всей силы, он вдавил голову девушки в диван, — Удавлю!

Внезапно резкая боль пронзила его ладонь. Взыв, мужчина инстинктивно отдернул руку от девичьего лица.

— Папа! Папочка!! Помоги!!! — сквозь слёзы, что есть сил, прокричала несчастная, и сразу-же получила чудовищной силы удар в правую скулу...

* * *

— ... папа! Папочка!! Помоги!!! — донёсся до Пантелеймона Петровича отчаянный, полный боли и ужаса, крик его дочери.

Не разбирая дороги, не думая ни о чём, он бросился на крик, сбив на ходу табуретку и сметя тарелки с кухонного стола.

Толкнул дверь комнаты, та не поддалась.

— Боже мой, Женя!!! — несчастный со всей силы толкнул дверь плечом, влетел в комнату. От увиденного за дверью, перед глазами Пантелеймона Петровича померк свет. Под полуголым начальником цеха, трепыхалось тело его дочери, ниже волосатых ягодич мужика, Петрович явственно увидел мошонку и трепыхающийся член подонка, прямо перед самой Жениной промежностью. Голой и невинной. Николай Владимирович остервенело душил девушку.

— Что-же ты делаешь, говно?! Выродок, нелюдь!!! — Петрович подскочил к Смирнову, хватая его за мокрую рубашку.

— Отпусти, отпусти её — отец обхватил Смирнова за мокрую шею.

— Ах, ты... — Николай Владимирович дернул плечом, отпустил девушку, соскочил с дивана и ухватил Пантелеймона Петровича за грудки.

— Старый козёл!!! — с этими словами Владимирович развернул несчастного и со всей силы зашвырнул того в ближайшую стену.

Петрович влетел в книжную полку, глухо вскрикнул, со стоном опустился на пол. Из разбитого затылка по обоям прочертилась красная полоса. Мужчина тяжело выдохнул и закрыл глаза. С покосившейся полки на него упало несколько книг.

Полутёмную комнату прорезал безумный девичий крик ужаса и отчаяния. Женя, отталкиваясь перед собой голыми ногами, вжалась в стену, продолжая безумно кричать. Из разбитой губы и носа, на, скатанную под подбородком, футболку, тонкой струйкой стекала кровь.

Смирнов ухватил несчастную, вырывающуюся девушку за лодыжки и рывком растянул её перед собой на диване.

— Не надо!!! Нет, нет... — Женя подняла вверх руки, насильник отвесил ей три звонких

пощёчины.

Девушка застонала и обмякла.

— Смотри, смотри, что я сейчас сделаю с твоей дочерью — с диким криком, безумец подлетел к лежащему на полу возле стены Пантелеймону Петровичу, грубо растолкал его.

Покачивая из стороны в сторону своим вновь стоячим членом, Смирнов вернулся к дивану, обхватил, лежащую на спине девушку под колени, задрал её ноги, придвинув Женин таз к своему паху. Обмякшая, практически обнажённая, беззащитная девушка лежала прямо под ним.

— Отпусти её... мразь... — услышал он хриплый шёпот её отца.

Страшно ухмыльнувшись, Николай Владимирович чуть наклонился вперёд, плюнул на свою правую ладонь, ладонью обмазал девственное влагалище девушки.

Вновь задрал ноги девушки кверху, согнул колени, присел, коснувшись своим возбуждённым пенисом половых губ.

— Смотри сюда, отец, как это делается!!! — не своим голосом прокричал Смирнов, поворачивая голову к лежащему Пантелеймону Петровичу.

Отец предпринял попытку подняться, но вновь со стоном растянулся на полу. Насильник скривился в дьявольской усмешке, подал таз вперёд, стволком стоячего пениса провёл по ложбине между половыми губами девушки.

— Не надо... пожалуйста — чуть слышно простонала пришедшая в себя девушка, еле двигая разбитыми губами.

Смирнов отпустил правую Женину ногу, освободившейся рукой приставил головку члена ко входу во влагалище...

Раздался громкий мужской хохот, вслед за ним — девичий крик, полный страдания и унижения. У стены, в крови, рыдал Пантелеймон Петрович, обхватывая руками рану на затылке, силясь встать...

Смирнов резкими толчками, резко и безжалостно, вдавливал свой член в опустошённое девушкино лоно, и резко вынимал его, покрытый Жениной кровью. Девушка из последних сил сопротивлялась подонку, отчаянно крича и зовя на помощь отца. Комкала пальцами одеяло, закрывала лицо, прося Смирнова остановиться.

Мужчина не прекращал своего адского занятия. Вновь и вновь он рвал нутро несчастной, иногда останавливался, чтобы перехватить её ноги и залепить ей очередную пощёчину.

Когда девушкин крик перешёл в жалобный, истошный вой, Смирнов, нечленораздельно зарывав, выпустил в девичью щёлку порцию густой, вязкой спермы. Женин вой перерос в жалобный плач, Николай Владимирович отпустил ноги девушки, ещё раз подмахнул своим тазом, вынул пенис из опустошённого Жениного влагалища и, придерживая член рукой, смахнул последние капли спермы на девичий лобок.

— Теперь ты стала женщиной — тяжело дыша, он бесцеремонно ущипнул девушку за грудь. Женя истерично оттолкнула его руку, сжалась в комочек, закрыла лицо ладонями и протяжно зарыдала.

Блестя красным, опавшим членом, Смирнов подошёл к лежащему у стены Пантелеймону Петровичу.

— Что, Петрович, понравилось? Небось, сам так хочешь? Теперь можно, я дорогу тебе проложил! — и порадовавшись своей шутке, громко засмеялся.

Вернулся к сжавшейся на диване, рыдающей девушке, рывком перевернул её на живот. Женя

забилась в новой волне истерики, захлёбываясь слезами, выкрикнув неразборчивое проклятие.

— Ты, Петрович, вот что — серьёзно проговорил Смирнов, — Я скоро уйду на повышение в район, если хочешь — зови, тут ещё есть над чем поработать.

С этими словами, мужчина руками раздвинул Женины ягодицы, обнажая тёмненькое колечко ануса. Полюбовавшись на открытую заднюю дырочку девушки, Николай Владимирович поднял с пола трусы с брюками, молча надел их и вышел за дверь...

Давясь слезами, закрывая окровавленную промежность ладонью, Женя сползла с дивана, оставляя на тёмно-синей ткани кровавый след, на карачках подползла к стонущему отцу.

— Папа, папочка, как так получилось? Как? Скажи? — девушка обняла лежащего отца.

— Дочка, милая моя, прости — прошептал отец, обнимая дрожащими руками спину девушки,

— Это я во всём виноват, это я, старый дурак, подложил тебя под этого...

* * *

Открывая входную дверь, Смирнов услышал жуткий девичий крик, полный ужаса и отвращения. Весело насвистывая, мужчина лёгким шагом двинулся вниз по лестнице. За окном начало светать.